

**Сергей Николаевич Сергеев-
Ценский**

Маяк в тумане

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Маяк в тумане / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 44 с.

ISBN 978-5-4241-2903-2

Повесть С.Н. Сергеева-Ценского

ISBN 978-5-4241-2903-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Маяк в тумане

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Маяк в тумане

Повесть

I

Это о годе двадцать восьмом: случайно застряло в старой моей записной тетради.

Да, приходится оговаривать это, - слишком стремительна стала жизнь, и сегодняшней день уже очень мало похож на день вчерашний.

Когда над морем, очень цепко присосавшись к воде, залегает плотный, волнистый, голубоватый, издали нехолодный даже, похожий на сбитое стадо белых овец туман, тогда отсюда, с горы, виден - и до чего же отчетливо! весь изрезанный изгиб берега, и даже тот, самый дальний, похожий на голову нильского крокодила мыс, на котором по ночам сверкает маяк: три часа езды паромом отсюда до этого маяка.

Мыс с маяком - он существует всегда, он каменный, вечный, и по ночам он подмигивает таинственно, но даже его съедает испарина моря, он расплывается в ней, вылетает, растворяется, перестает быть. И только туман над самой водою очерчивает вдруг его так ярко, только благодаря туману вдруг начинает он и днем глядеть в глаза всеми изломами своих базальтовых скал, откуда-то озаренных желтым, розовым, ультрамариновым.

Отхлынет от берега туман, унеся с собой очарование, и Пантелеймон Дрок, - весь голый, только ниже живота черный с красным горошком платок в обвязку, - весь медно-красный, весь состоящий из мускулов, пота и мозолей, перебивающий цапкой землю между своими кустами помидоров, баклажан" зеленого перца, посмотрит, бывало, на море и облегченно скажет:

- Ну, слава богу, черти его унесли!

На далекий, таинственный мыс он не посмотрит даже: ему не нужны ни мыс, ни маяк на нем. Он очень упористо стоит на своем куске земли босыми ногами, на которых большие пальцы величины чрезвычайной и даже отставлены от других пальцев на целый палец.

Земля его в уютной котловине и глядит на юг. Где она выше - там чистая рыжая глина, где ниже - там наносный черный шифер, и Дрок заставляет ее на рыжем выгонять лопушистый табак, на черном - пшеницу и кукурузу, а где шифер лежит глубоко, на целую лопату, - там у него огород. Для поливки в разных местах у него копанки с желтой дождевой водой, и в одной, самой большой, купаются его ребятишки, когда пасут корову.

Направо, внизу - город, налево, вверху - несколько домишек. В одном, ближнем, живет слабоумный, разбитый параличом старик, сорок лет прослуживший здесь в таможене. Теперь он получает пенсию. Когда уходит в город его жена, тоже старуха, Настасья Трофимовна, - ему уже через полчаса становится страшно одному сидеть в комнате; ступая правой ногой и подтягивая левую, опираясь на палку и держась за косяки дверей и выступы стен, он выволакивает себя наружу и, помещаясь между кустов так, чтобы виден был город, начинает кричать:

- На-а-стя!.. На-стя-а!..

Потом чаще, чаще, и совсем непрерывно, и очень долго:

- На-асть, насть-насть-насть... На-а-астя!..

Волосы у него длинные, белые, тонкие, как у детей, белая длинная борода, белое незагорающее лицо, и неизменная на нем черная тужурка, вся закапанная спереди. Голос у него был еще очень громкий. Фамилия его была Недопёкин.

Когда он видел Дрока, то кричал ему, но Дрок уже привык к этому и не отзывался. Жалости к старику у него не было, презрения тоже, - просто он был ему не нужен. Но рядом с Недопёкиным жил человек, которого он не любил: это был учитель пения - Венедикт Митрофанч, человек уже пожилой тоже, но ученики звали его Веней. Дрок знал, что в школе он получал всего только сорок рублей, но проводил там не только целые дни, иногда и ночи, - это когда надо было готовиться к школьному спектаклю, шить и замазывать декорации: "Днем когда же?.. Ребята - разве они дадут?.." Или: "Ребята - они на тебе повиснут, разве от них уйдешь?"

Роста он был небольшого, с виду щуплый и хрупкий, но даже и ребята, которые целыми днями на нем висли, не могли его утомить.

Была одна ночь в марте, когда Веня подымался к себе из школы часа в два, но светила ущербная луна, роились звезды, кричали дикие гуси, пролетая на север, и тянуло тихим теплом с юга, а Дрок на своей земле равномерно звякал железом лопаты о камень, спеша закончить перекопку. Он копал недалеко от дороги, и Веня разглядел, что он до пояса гол, как и летом.

- Что это вы, Дрок, себя надрываете так? - остановился Веня.

- Никакого надрывания тут нет, - отвечал Дрок недовольно. - А если я должен всю эту землю перевернуть, то... как по-вашему?

- По-моему?.. Большой у вас кусок земли, Дрок!

- Ага!.. Большой, находите?.. Так что вас завидки берут?.. А я же по копейке с метра в горхоз плачу!.. Ну, бегите теперь вы, давайте им по две або полторы, - вот и ваша будет!

- Мне не надо, на что она мне?

- Вам не надо, а сами говорите: большой кусок!.. Кому не надо, тот безо внимания, и даже он слова не знает, большой или маленький... Я с воза наземь двенадцать пудов сымаю, а недавно, года три назад, - я с земли на воз двенадцать ложил... Ну, мне уж сорок второй, я уж не молодых годов считаюсь... И должен бы я силу больше иметь, кабы руку себе не сломал...

- Что вы?.. Давно это? Не слышал я что-то...

- Где же вам и слышать, когда это ж в селе я тогда жил, - ну, одним словом, дома, в отца з матерью... Семнадцать годов мне тогда было, - на лошади я верхом, - и на всем скаку - туда к черту!.. Называется наше село Звеньячка... Это... может, когда слышали, - Ново-Ушицкий был уезд Подольской губернии. У меня же там брат живет, - как же!.. Как землетрясение было в прошлом годе, говорили тогда все: "Вот Крым провалится!.. Вот провалится!.." И как все отсюда тикали, то была и у меня думка домой отсюда ехать... Я брату пишу: чи ты примешь, чи ты не примешь, бо я вже сам-сем: такой урожай от меня... Он пишет мне по-своему, по-украинскому, - давал людям читать, как я уж того языка не понимаю: приезжай, пише, кусок хлеба найдем... Ну, а тут успокоилось, я и раздумал тикать... А не так давно он уж мне пише: "Разоренный я совсем: хочю к тебе ехать... Може, где себе место найду..." Я ему, конечно, ответ: "Раз ты теперь стал разоренный, то это ж нема чего лучше, - как ты теперь, стало быть, бедняцкого элементу..." Не знаю уж, как он теперь... Руку же я себе сломал правую... Ну, спасибо, у нас в

селе костоправ был, Гордей его звали, старик хотя, ну, такой вредный, что как ему горилки пивкварты не поставят, то он и лечить не буде... Выпил он, обрызгал меня из последнего, что в рюмке осталось. "Держите его, говорит, дужче, хай не копошится!" Пощупал он. "На четыре части, говорит, и то хорошо, что поперек, а не вдоль..." В полотно такое домашнее - непокупное - забинтовал, потом в лубок всю руку. "Так, говорит, и держи ее палкой и спать не спи..." Пришел на другой день к вечеру, пощупал: "Ну, кажи: боже, поможи". Я кажу: "Боже, поможи!". А он мне как надавит вот это место пальцем, так я и зашелся весь... Это он мне еще одну косточку вправил... Потом даже три дня не являлся, а как явился, пощупал: "Ну, кажи, хлопче: "Славу богу!" "Славу богу!" - "Ну вот за то же я тебе руку до шеи привяжу!" А уж так недели через три: "А ну, хлопче, крестись", - говорит. Стал я руку подымать и, значит, на лоб не могу и на правое плечо не могу, только на левое. "Ну, ничего, кажет, и сам бог с тебя кращего креста спросить не может, как он же тебе сам руку зломав..." Видали теперь, через что я силы настоящей не имею?

- Да уж больше, чем у вас, Дрок, сила, - куда же она еще?.. В цирке себя показывать? Вы как будто на меня сердчаете, - смущенно говорил Веня, но Дрок кричал еще азартней:

- А кто теперь друг на дружку не сердчает?.. Все не только даже сердчают, а с лица земли готовы стереть!.. А мне то на вас досадно, что пенюю вы, извиняйте, учите, а ребята мои вот христославить не умеют... Также и на Пасху... Могли бы они заработать какую-нибудь копейку, а то они воют, как те коты, какие на крышах, а что они воют такое, этого у них даже в понятии нет...

- Христославить!.. Этого от нас не дождетесь, - улыбался Веня, - этому учить мы, конечно, не будем...

- А не будете, то зачем вы и учите?.. Ну, с тем до свидания, когда такое дело, - мне копать надо, а вам итить спать... И холодно начинает, как я раздевши...

Веня отошел, но, вспомнив, крикнул назад:

- Вы бы их в кино когда-нибудь повели, ребят ваших!..

- В ки-но-о?.. Это для пристрастия?.. - на всю тихую весеннюю ночь кричал Дрок. - Да я в газете читал, как один мальчишка завел другого в сарай дровяной, там его удушил, пальтишко снял с него, за трешницу продал да в ки-но-о!.. И почему же это он осмелился так?.. А это он до кина пристрастия имел, а денег не было!.. Ки-но-о!.. Это же для ребят все равно как для нас водка!.. Вон вы советы какие даете, а еще у-чи-тель!..

Веня отходил от Дрока поспешно и, отходя, долго еще слышал яростный звяк его лопаты о камешки и какое-то бормотанье, так как остановиться сразу и замолчать, как отрезать, Дрок не мог: он очень разжигался, говоря что бы ни было, в нем очень много подымалось, и, зная это, Веня боялся, не сломает ли он держак лопаты, слишком глубоко засаживая ее в тяжелую глину, и не будет ли потом ругательски ругать его во весь голос, свирепо доламывая буковый держак ногами.

И только добравшись до своего склона горы, откуда Дрока уже не могло быть слышно, Веня с радостью различал громкие крики весенних диких гусей в небе, посвистывание куличков над морским берегом и брачное хрюканье дельфинов, которые оглашенно ныряли и подсакивали теперь в лунном столбе, поднышаем-ся черт знает как высоко: если бы не лунная дорога в море, никак нельзя было

бы поверить, что в такую дальнюю даль ушла линия горизонта.

II

Очень трудно было, особенно при плохом зрении, определить точно: что же это такое двигалось в гору медленно и цепко, похожее на огромную черепаху с четырехугольным черным блестящим панцирем, на вид очень тяжелым и прочным. И только когда черепаха эта проползала вблизи, совсем близко, в двух-трех шагах, можно было разглядеть, что это Пантелеймон Дрок тащил связанные проволокой листы старого кровельного железа - тыльной, промасленной, сторонной кверху, покрашенной - вниз. Железо было десятифунтовое, и тащил он кипу в двадцать листов, и щедро капал пот с его весьма неправильной формы носа и широкого бритого подбородка.

Так, разобравши, наконец, что это за черепаха, Настасья Трофимовна, крупная старуха с высосанным мучнистым лицом, всплеснула руками и сказала испуганно:

- Разве можно так, Пантелей Прокофьевич?! Ведь у вас сердце этак лопнет!

И выпуклые, зелено-мутные глаза ее мигали часто.

Но, грохочуще проползая мимо нее, Дрок ожег ее выпадом злых багровых маленьких глазок и прохрипел:

- Покупайте мне лошадь, от тогда на лошади буду возить!

И только к вечеру этого дня, когда еще таким же образом два раза проволока свои панцири из листового железа по пяти пудов каждый, узнала Настасья Трофимовна, что внизу, у моря, в доме отдыха металлистов, где был ремонт осенью, продают старое железо с крыши, и Дрок закупил его тридцать пудов, имея в виду скорую постройку своего дома.

Еще раз всплеснула руками Настасья Трофимовна и сказала шепотом:

- Кто же теперь строится? Какой кобель?

- Ну, значит, я и есть этот самый кобель, когда такое дело! - осерчал Дрок и добавил уже наставительно: - Мне з моим семейством жить негде, если вы хотите знать!.. У меня пятеро, да шестое, извиняйте, в утробе матери!

- А разве ж вас с квартиры гонят?

- А какая у меня квартира? - кричал Дрок, потный, красный, размахивая проволокой, скрученной в тугой бунт. - Моя квартира - одна комната, и она холодная, что касемо зимнего времени!.. А мне не меньше две комнаты надо, вот!.. И корове сарай, поняли?.. И курам опять же абы что... И табак на суруках было чтобы где сушить!.. И хлеб чтобы куда ссыпать!.. А также картошку, капусту складать... кабачки, кукурузу... Вот!.. Мне для всего помещения надобно, а не одна комната!.. Я пенсии не получаю, как старик ваш живущий!..

Дрок упорно таскал к месту, облюбованному им для своей постройки, то старые балки, то стропила, то доски... Наконец, завел тачку и начал издалека привозить дикий камень для стен и старый кирпич для печи.

С огромной яростью орудуя киркой, принялся он рыть канавы для фундамента и потом закладывать их бутом... Это было осенью, когда с поля и огорода все уже было снято, а если табак еще зеленел густо, то листья его шли уже от боковых побегов: такие листья не собираются, они красуются только до первого мороза, который одним ударом превращает их в бессильные кофейно-рыжие тряпки.

Дрок клал фундамент на извести, как заправский каменщик, сделавши себе

из дырявой ряднины фартук, но все не хватало у него песку, и он говорил удивленно: "На ж тебе, как эта звестка песок жрет!.. Все одно, как свинья полу!.."

И шел с мешком на пляж, а когда тащил оттуда полный мешок мокрого песку, то шея его багровела, вздучалась и пульсировала звучно, а в голову снизу било жаркими железными обручами и бухало там, как в пустой бочке.

Должно быть, здешние горы строили свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с таким же остервенением, с такою же злостью силы... И только время пригладило их, взьерошенных, только воды и ветры обрушили вниз все их колючее, острое, непримиримое и укрыло их дикие известняки и граниты однообразно-ласковым буковым лесом.

Класть прогоны на фундамент и устанавливать на них балки в отвес помогала Дроку жена Фрося.

Она не хотела, она ворчала, она говорила:

- Нанял бы ты лучше плотников на день!

Но кричал, свирепея, Дрок:

- Ка-ак это "нанял бы"?!. Это чтобы они с меня по пятерке содрали?.. И чтобы всеми считалось это наемный труд?.. Нехай они з меня заработают, как я подохну!.. А как я себе зараньше, перед смертью, гроб сделаю, то вот они с меня что заработают!

И перед самыми глазами Фроси (зеленоватыми, с золотыми блесками) тряс очень жестким кулаком, заляпаным сосновой смолой.

Смолоду Фрося, должно быть, была и весела, и беззаботна, и миловидна, потому что и теперь еще осталась, хоть и слабая, игривость в глазах и розовели иногда тонкокожие щеки. Но подобралась уже щеки, втянулись, губы подсохли, шея пошла складками, светлые волосы потемнели, поредели.

- Держи стояк, иди! - командовал Дрок. - Потрафляй, абы шпенек в гнездо вошел!

И Фрося, взглянув на него исподлобья, обхватывала столб огрубелыми, хотя и тонкими в запястьях, шелушащимися руками.

Дом себе ставил Дрок не в котловине на горе, где было его поле, а гораздо ниже, в балке, где прежний владелец этого участка выкопал колодец. О бывшем владельце здесь не осталось памяти, даже и смутной, а колодец Дрок сам вычистил и огородил. И теперь, когда, отдыхая, пил взятую оттуда воду, он говорил вполголоса, оглядываясь кругом, Фросе:

- Ну, ты где еще такую воду пила, а?.. Я все здесь колодцы и фонтаны перепробовал, также и казенный водопровод, - не-ет, брат!.. Ты только языком своим бабским дзвону об этом не давай!.. После такой воды и зельтерской пить не захочешь...

Все было податливо и укладисто: земля, камень и дерево, но оказался очень коварен один продольный верхний прогон. Гнезда в нем выдолбил Дрок по нижним концам столбов, но разошлись немного верхние, и когда Фрося, стоя на лестнице, помогала его укладывать и приподняла его над собою, он вырвался у нее из рук. Он оцарапал ей плечо, чуть не выбив глаз другим концом стоявшему на другой лесенке Дроку и, описав мгновенную прихотливую дугу, звонко брякнулся о другие прогоны и кроквы.

Фрося зажала плечо рукой и спустилась молча, только поглядев в желтые глаза мужа своими зелеными, с искрой, и, усевшись поодаль от бревен на сухую

щепу, спустив синий платок до переносья, плакала, всхлипывая, больше от испуга, чем от боли, а Дрок сел с нею рядом, чувствуя тоже какую-то оторопь и бормоча вполголоса:

- Могло бы и в голову вдарить - тогда крышка!.. Однако горобец и тот гнездо себе вьет... ворона даже - и она прутья до горы на деревья таскает... Обязан и человек хату себе сам своими руками делать.

И когда отплакалась Фрося, он сказал ей, поплевав на руки:

- Ну-ка, фатайся за тот теперь конец, а я уж за этот!..

Тяжелый прогон снова пополз кверху, и на этот раз шипы столбов покорно вошли в гнездовья.

Однажды, лузгая семечки, подошли к Дроку два плотника, братья Подскрёбовы, Никита и Денис, молодые еще, но хлипкие, оба рыжие, с землистыми лицами, и Никита, старший, сказал, расставив ноги:

- Вот так столбы поставил!.. Да как же ты, душло, без ватерпаса столбы поставил!.. Ведь они у тебя завалятся к черту при первой возможности!..

А Денис добавил:

- И план ты должен был представить на утверждение, то есть план своего дома. А то вполне мы можем эту твою халупу обраковать к чертям и совсем воспретить!..

Но Дрок, медно-красный, вдруг поднял над головой топор, как томагаук, и двинулся на них, ворочая медвежьими глазками и рыча, так что Никита отошел поспешно и, отзывая Дениса, говорил:

- Ведь он шутоломный, черт!.. От него можешь трудоспособности лишиться на все сто процентов!..

А Дрок кричал им вдогонку:

- Учить меня явились!.. А того и не знают, что я смальства по бондарной части работал!.. Также и по колесной тоже!.. Ва-тер-па-сы!..

Когда же и стропила он утвердил на два ската и запалубил под железо, откуда-то взялся печник Заворотько, семидесятилетний, полуслепой уже, но старавшийся держать серую кудрявую голову как можно прямее и делать вид, что он только что хорошо выпил, очень потому весел и весь свет ему любезен и мил.

Высокий, длинноногий, он подошел медленно, но уверенно, кашлянул браво и сказал вкрадчиво:

- Боже, поможи!.. А я смотрю иду, что ж воно такое?.. Чи воно завод, чи воно хвабрика... Аж воно ни завод, ни хвабрика, а то самое, до чего плиту треба... Та-ак!.. Ну, это тебе Заворотько, - печник есть такой, - сделает в лучшем виде... А уж гроши з тебе сдерет, как все равно святой с бабы!

- Про-валивай, куда шел! - отвернулся Дрок.

- Как это "проваливай"?.. А кто ж тебе делать будет? - спустился с веселого тона Заворотько.

- А сам я на что?.. Сам я делать буду, - вот он кто!.. Видал такого? выставил перед ним кулак Дрок.

- Таких я, друг, видал многих, - только глину они зря портили да кирпич губили... И меня же сами звали они поправлять, - это чтобы бабы на ихних головах горшков дуже много не били, как и горшки тоже грошей стоят!..

- Да понимаешь ты, - кричал ему прямо в уши, подскакивая вплотную, Дрок, - что тут все должна быть моя собственная работа, чтобы никто отнять моей хаты

не мог?

- А на черта кому твоя хата, чтоб ее отнимать?

- Все встать могут в свидетели, как оно не купленное, а сделанное моим чисто трудом!.. Вот!.. Все видали кругом и сейчас видят! - кричал Дрок.

- Ну, погоди, - останавливал его рукою Заворотько. - На стены ты камень припаш, значит, видеть, фафарку хочешь делать?

- А, разумеется, фафарку!.. Что, мы вместе с бабой фафарки не слепим?

- Хитрости никакой нет!.. Только крестовины вставить!..

- И вставлю!.. И окна-двери навешу!.. И железом накрою!.. Все сам!

- Ну, то уж дело твое... Хочешь, чтоб на голову тебе капало, тоди крой сам!..

А плиту тебе Заворотько-печник зложит... Думаешь, много он возьмет?.. Не-ет, он теперь много не берет, как он уж не союзный... И даже так я тебе скажу (тут Заворотько понизил голос до шепота), что даже он никому и ни-ни об этом! Придет он к тебе до сход солнца, а уйдет, как фонари зажгут... Так, чтоб его никто и не бачив!

К новому году Дрок перешел в свой новый дом, в котором было только две комнаты, и, хотя железо на крыше на виду у всех укладывал сам Дрок и сам его красил, крыша все-таки не текла, а заворотькиной плитой Фрося осталась довольна.

По стенам снаружи дома развесила она под самой полкой крыши пучки золотистых кукурузных початков, на крыше разложила оранжевые пузатые бородавчатые тыквы, - это было в теплый солнечный день, - и то и дело выбегала любоваться этим украшением и только вечером, когда натянуло с моря дождевые тучи, сняла.

А Дрок, водворивший уже в новом сарае корову, спешно сооружал другой сарай для сена. Он стучал бы и по ночам, если бы ночи не настали темные, хоть глаз коли.

В той же комнате, которую занимал он раньше, поселился какой-то приезжий по фамилии Дудич.

III

Упал в колодец средний сынишка Дрока - Егорка, лет восьми. Как он очутился там, на той самой, дубовой почерневшей и скользкой балке, которую Дрок все собирался вырубить, этого Егорка не мог объяснить отцу потом, когда его вытащили.

Он стоял перед отцом круглоголовый, плотный, очень спокойный, даже пожимающий плечами, всем своим видом дававший понять, что иначе и быть не могло, что вообще всякий, кому случится упасть в колодец, должен стать там на поперечную дубовую балку и время от времени не спеша кричать, чтобы его вытащили, - не спеша потому, что попадать в колодец не всякий день удастся, а любопытного там очень много, и когда от стенки колодца там отрываешь маленькие камешки и бросаешь в воду, то они булькают совсем иначе, чем ежели бросаешь их сверху.

Побледневший, оторопевший, спрашивал сына Дрок:

- Стервец ты этакий, как же ты туда упал, скажи?

А Егорка, сморщив безволосые брови и глядя в землю, отвечал густо, однако немногословно:

- Упал, и все.

- А на перекладину же ногами ты как попал? - хотел попытаться Дрок, но Егорка отвечал так же густо:

- Попал, и все.

- Ну, мерзавец же ты этакий, как же ты летел туда, скажи: чи ты вниз головою, чи ты ногами вперед? - допытывался отец.

- А я же почему знаю? - светло глядел на него Егорка и пожимал не узкими для восьмилетнего плечами.

Лицо у него было щедро усеяно конопушками, левый глаз с маленькой косиной, заметной только тогда, когда он поворачивал голову направо.

Он непритворно был удивлен, почему это так в голос заплакала мать, когда его вытащили, а отец, заделывая брусьями устье колодца, кричал ей:

- Ты зря не реви, а кругом его щупай: чи не оборваны ль у него все печенки, или его в больницу сейчас вести надо!

Все у Егорки оказалось в целости, и вечером в этот день Дрок жестоко отхлестал его ремнем, больше имея в виду полную для себя непостижимость этого случая, чем со злости.

Зато вскоре после того сломал себе руку семилетний Митька. Он подставил с земли на крышу дома тонкую легкую доску и подпрыгивал на середине ее, пока она не переломилась пополам. Упасть ему пришлось о камень рукою, и то, что этот сынишка его так же, как и он когда-то, сломал не левую, а именно правую руку, и не в локте, а около плеча, очень поразило Дрока, так что пальцы его, привычно потянувшиеся было к уху Митьки, сами остановились на полдороге.

В больнице с Митькой проделали почти то же, что когда-то старый костоправ Гордей из села Звеньячки проделал с самим Дроком, и руку подвязали ему марлевой повязкой к шее, но ровно через четыре дня он, цепляясь за сучья одной левой рукой, полез на грушу следом за Егоркой, и вот тут-то уж жесткие пальцы Дрока дотянулись до маленького, прижатого Митькина уха.

- Соба-чонок скверный! - кричал Дрок. - Я тебе доску простил, поганец, а вона ж вещь хозяйственная, а ты, калечь убогая, еще и грушу зломить хочешь?.. По-до-жди!.. - и тащил его к дому.

Митька был очень вертлявый и визгливый, и, вертясь и визжа, он всячески старался вырваться, даже пробовал кусаться, а когда оставил его отец, пообещал, хныча:

- Хорошо-хорошо... Вот я... еще одну руку сломаю!..

Но Дрок знал, что он, хотя и сердит, отходчив, однако говорил о нем Фросе:

- Убери от него все доски в сарай, абы на дворе не валялись!

На старшего, Ванятку, лет уже десяти, пожаловались Дроку, что он, такой же спокойный по натуре, как и Егорка, и такой же круглоголовый и плотный, когда пас корову около одного временно оставленного под присмотр Настасьи Трофимовны дома, обдуманно и метко швыряя с разных расстояний камнями, выбил все до единого стекла в окнах.

Настасья Трофимовна обычно несколько побаивалась крикливого Дрока, но теперь она кричала сама, часто нагибаясь в пояс:

- Что я теперь скажу хозяину?.. У-сте-рег-ла!.. И от кого же вред такой страшный? От мальчишки! От мальчишки! От хулигана! За которым отец-мать не смотрят!..

Все, что у нее накопилось против Дрока за несколько лет, выложила крикли-